

Н. С. Лесков. Литератор-красавец

Быть так Чуриле сам господь повелел.

Былина о красном Чуриле Опленковиче.

Перед нами литературное явление такого оригинального свойства, что его совершенно неудобно не заметить и почти преступно пройти молчанием.

С литературой нашей в последнее время поступали часто весьма странно: с ней обращались как с орудием партий, как с лавочкой, в которой выгодно торгуется тем или другим товаром, но с ней еще никто никогда не обращался как с средством рекламировать перед публикою стройность своего стана, эластичность своих мышц, блеск голубых очей, свое остроумие, великое обаяние своих талантов, свою храбрость с мужчинами и свою непобедимость у женщин. Но дошло, наконец, на днях и до этого: в русской литературе явился богатырь совершенно непобедимой красоты и столь же совершенно непобедимого бесстыдства. Этот литератор – красавец Чурила Опленкович, называется господином Авенариусом и рекламирует себя во "Всемирном труде", издающемся в *Болотной улице*, в Петербурге.

Для того чтобы похвалиться перед всеми своим ростом-дородством, лицом-красотою, медовыми речами и соколиными глазками, этот находчивый литератор сочинил такую басню (мы говорим: *сочинил*, потому что нам все-таки не хочется допустить, что развязный литератор хвастается тем, что с ним в самом деле случилось).

Приехал будто красавец Авенариус в Сорренто, ходит он по Сорренто с мальчишками, которые просят у него мелкую монетку; а он им рассказывает, что он "сыт на свой счет: книжки пишу и за них мелкую монету получаю". Потом он "усмотрел в горах молодого живописца, которого шутя называет преемником Сальватора-Розы и не шутя делает его дурачком, способным только "нашлепывать пятно около пятна". Зная лучше этого преемника Сальватора-Розы и секреты колорита и правила перспективы, Авенариус дал итальянскому художнику несколько советов, по которым тот его признал за живописца, а он, Авенариус (бич нигилистического нахальства), в благодарность за этот комплимент прямо посоветовал живописцу "рядом с искусством для искусства заняться делом по той же части более хлебным, как-то: малеванием вывесок да, пожалуй, раскрашиванием стен".

Однако оказывается, что столь нигилистически оборванный литератором Авенариусом итальянский художник был не совсем круглая бездарность, ибо в числе его произведений нашлась головка, обворожившая самого Авенариуса. Авенариус стал просить художника "свести" его с итальянкой, с которой написана эта головка, а художник сам влюблен в нее и отговаривается.

– Познакомиться-то с нашими барышнями, – говорит он писателю Авенариусу, – при счастье, пожалуй, иностранцу и можно, да *испытать на себе их страстность* – шалите! Как хвостом ни виляйте, не удастся: не полюбит вашего брата.

– Да разве и между нами нет молодцов из себя? – сказал в ответ на эту грубость г. Авенариус.

– Как не быть: *хоть бы вы, например?* – отвечал красавцу Авенариусу итальянец.

В самом ли деле г. Авенариус так хорош, как он себя хвалит, мы этого не знаем; но полагаем, что он, вероятно, красоты замечательной, ибо человеку обыкновенной наружности чужестранец такой любезности наверно бы не сказал, и лучшее тому доказательство – недавний случай с сотрудником "Московских ведомостей" г. Георгиевским, которого туркофил Лонгворт нарочно поставил лицом к лицу против хорошо сложенного турка и сделал между ними двумя сравнение довольно невыгодное для России, имевшей, к несчастью, на этот раз своим представителем не бойкого г. Авенариуса, а скромного г. Георгиевского.

Но возвратимся к нашей истории.

Въедаясь далее в фабулу повести, г. Авенариус рассказывает о своей хитрости, как он выпытал у художника, кто именно оригинал его головки, а затем уже наступает и самая любовная басня. Там, в Сорренто, живет богатый и очень жадный итальянец, у которого была красавица дочь Анджелика, которая, собственно, и есть оригинал известного нам портрета. Г. Авенариус, пленясь портретом этой девочки, еще более пленился ею самою и вздумал ее признать. Для этого ему надо было устроить свидания с нею, и он их себе